

18+

ХАКИМ БУЛИБЕКОВ
КИПЧАК В
АНТАРКТИДЕ

Хаким Булибеков

КИПЧАК В АНТАРКТИДЕ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50283605

ISBN 9785449815149

Аннотация

Почему так поздно взялся описывать давно канувшие в Лету события? Почему не сделал этого раньше? Наверное, боялся: за правду, без которой писать скучновато, и пострадать можно. И не только самому. А когда появилась возможность высказываться без последствий, то вокруг начали разворачиваться такие события, что все прошлое показалось мелким и неинтересным. Но Время не останавливалось, и стал замечать: «поколение младое, незнакомое» несколько искаженно воспринимает и понимает прошлое...

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
1. «А мне можно?»	5
2. Знак свыше	13
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	40
1. Пророчество Серика	40
2. Контрабанда	49
3. «Советико импотентико»	59
4. Каботажный рейс	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

КИПЧАК В АНТАРКТИДЕ

Хаким Булибеков

Хаким БУЛИБЕКОВ

КИПЧАК В АНТАРКТИДЕ

(или ЖЕНИХ-ДАЛЬНОБОЙЩИК)

повесть-дневник

© Хаким Булибеков, 2020

ISBN 978-5-4498-1514-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ТОЧКА БИФУРКАЦИИ

1. «А мне можно?»

Думаю, мои предки, древние кипчаки, как, впрочем, впоследствии и казахи, не были завоевателями. Просто они безумно любили женщин, и время от времени привозили в родные аулы то русских красавиц, то польских гордячек, то итальянских сумасбродок. И чем из более отдалённой страны оказывалась токал (а в такие походы уходили только мужчины, имевшие детей), тем больше уважения и к ее супругу. Лишь когда во времена султана Бейбарса в степи появились первые негритянки, походы в чужие края прекратились. Но память о тех событиях сохранилась в эпосе, в артефактах, в попытках потомков все же превзойти их.

Я, например, будущую жену встретил в Антарктиде.

Всякий раз, когда меня спрашивают: «А как ты туда попал?», – понимаю, что человеком, помимо естественного любопытства, подсознательно движет интерес, кто перед ним? Что за фрукт? Если по благу пролез (а во времена развитого социализма было это делом обычным и даже афишируемым в доверительных кругах), то к тебе одно отношение.

Если же отправили в Южное Заполярье за труды праведные перед наукой, то другое.

Я угодил в полярники чисто случайно. Из-за того, что эксперимент с объемным тлеющим разрядом не получался. Как ни старался, но не горело синее свечение в моем будущем лазере, и уже собиралась возгореться синим пламенем дипломная работа, до защиты которой оставался месяц из отпущенных шести.

В то утро, 8-го мая середины 70-х прошлого века, которое, как сейчас понимаю, стало точкой бифуркации всей моей жизни, лекции по марксистско-ленинской философии и основам квантовой механики были напрочь проигнорированы. Впервые за время дипломной практики пришел в «лабораторию», как все, получавшие в ней зарплату, – в 9:00.

И все для того, чтобы, согласно рекомендации старшего научного сотрудника Серика Аскарова, «со сранья запустить вакуумный насос и добиться наконец хоть какого-то результата...».

Но его я так и не добился, а за единственно проявленное рвение к работе был вознаграждён Всевышним шансом изменить ход собственной судьбы.

В 9:05 к нам в лабораторию «Квантовой электроники» кафедры оптики и спектроскопии физического факультета Казахского государственного университета им. С. М. Кирова (вскоре, после заполнения бесчисленных анкет, личных дел и характеристик, полное название альма-матер на подкор-

ку село), влетел пятидесятилетний Дмитрий Васильевич Коломиец, недавно назначенный деканом вышеназванного факультета.

Хорошо бы этому человеку (а про него ходило много историй на факультете) главу посвятить. Но тогда я и не догадывался, что это от Господа архангел пришел и спросил у присутствующих:

– Ребята, кто хочет в Антарктиду поехать?

Надо сказать, название шестого континента старушки Земли не часто фигурировало в нашей лексике. Последний раз слышал про нее из песенки Пьехи «В Антарктиде льдины землю скрыли». В памяти всплыли удивительные кадры из фильма «Красная палатка», хотя речь там шла в общем-то про Арктику. Во времена туманной юности про Южный полюс визуальных ассоциаций у меня почти не было.

Вопрос Дмитрия Васильевича недолго плутал в извилинах моего сознания, так как еще трудное детство научило соблюдать субординацию «сверчков на шестках» и, конечно же, ясно понимал, что из четверых на тот момент присутствовавших претендентов обладал нулевыми шансами по причине отсутствия диплома о «верхнем образовании». А без него даже в аульные учителя не возьмут. Только в армию, и то рядовым. Правда, только на год. Так как, в случае провала диплома, последнее назревало в первую очередь, то я, чем занимался на тот момент, то и продолжил. Но к происходящему все же прислушивался: хотелось узнать

имя баловня Фортуны.

Первым отозвался Серик:

– Не... У меня брюхо болит. Загнусь еще там.

Это удивило: «Серый» в свои тридцать три выглядел парнем крепким (мог через спинку стула перепрыгнуть) и задиристым. Ну, жаловался порой на «брюхо» в основном с похмелья, но все-таки это не повод отказываться.

Мне тогда казалось: что для того чтобы там побывать, согласился бы работать задаром, да ещё приплатил бы, если надо! Знал ли в то время, что эта экспедиция решит мои многие финансовые проблемы, откроет дорогу в целевую аспирантуру к академику Н. Г. Басову, лауреату Нобелевской премии и, наконец, подарит Любовь? Даже и не думал.

Когда же м. н. с. Даулет Шиндаулетов, всегда медлительный и рассудительный, наконец произнес:

– Я не могу... Свадьба у меня осенью. Как я уеду? – то я замер, забыв и о вакууме, и о дипломе, и даже о бабах (согласно анекдоту, физик о бабах завсегда думает).

Отвертка вывалилась у меня из рук прямо на заряженные высоковольтные емкости. Если бы коротнуло, всем бы мало не показалось.

Пока ее доставал, стараясь не задеть оголенные клеммы, всегда улыбающийся Ермек Садвокасов, в то время старший инженер, тоже отказался:

– Очередь на квартиру подошла. Не дай бог, пропущу...

Неожиданная осторожность, вечная любовь и всегда ост-

ро стоящий квартирный вопрос НТРовцев нашей «лаборатории» предоставили мне возможность шагнуть в неизвестное...

Дмитрий Васильевич откровенно огорчился, пряча блокнот в портфель:

– Черт, меня такси уже ждет. В аэропорт надо. Завтра мне оказана честь быть на параде Победы на Красной площади. За одно хотел фамилию участника экспедиции утвердить. Казах нужен, а у меня в лаборатории ни одного...

Нет, все же пару слов о Дмитрие Васильевиче скажу. Лукавил малёхо наш декан, утверждая, что казах нужен. Нужен был любой физик-казахстанец, но не из хозрасчетной лаборатории товарища Коломийца, на которую и пришла разнарядка.

Уверен, что национальность в ней не указывалась. Лишь бы из Казахстана ученый был. Ведь экспедиция в Антарктиду была советской, и поэтому хоть один представитель не из России «должен» быть.

Забегая вперед, скажу, что с нами на белоснежной «Эстонии», перевозившей участников Советской антарктической экспедиции, «круизил» ученый из Киева с «очень украинской» фамилией Петров.

Вопрос, по-настоящему мучивший нашего декана, как мне потом объяснил мой научный гуру Серик, был далек от национального и заключался в том, «за чей счет банкет?».

Чтобы понять, в чем дело, два слова о советской науке тех

времен. Она была, конечно, передовой, но не в Казахстане. Вся её интеллектуальная и материально-техническая мощь сосредотачивалась в Москве.

Анекдот моей юности:

Прилетает домой на каникулы аспирант московского института и встречает бывшего однокурсника, аспиранта местного вуза. Ну, второй и говорит первому:

– А какая разница, где учиться? И вами, и нами академики руководят.

– Да, – соглашается первый, – только от московских академиков на учеников их блеск попадает, а от наших – тень.

Финансовое обеспечение науки тех времен строилось по заведомо имперскому принципу. Первопрестольные научные институты получали жирные государственные и иностранные заказы с соответствующим финансовым обеспечением. Они могли позволить себе закупать лучшую технику и оборудование, переманивать талантливых учёных из любой глубинки.

То, что не могли переварить, распределялось по российским научным центрам, ну а то, что оставалось, – по республиканским. Строилось все на хоздоговорных проектах. Сейчас их грантами называют. Существенное отличие заключается в том, что тогда ты не мог и мечтать заключить договор с иностранцами. Только с Москвой или с союзными научными институтами.

Так вот, Коломиец имел хозрасчетный договор с москов-

ским Физическим институтом Академии наук СССР, а точнее, с его филиалом – Долгопрудненской станцией космических лучей, которая и прислала в Алма-Ату ту самую разнарядку на посещение ледового континента...

И если в экспедицию посылают от его хозрасчетной лаборатории, то придется из кровных выкладывать 150—200 рублей в месяц за сотрудника, который работать будет на «дядю» – собирать научный материал, обреченный попасть в Алма-Ату с большим опозданием. А если поедет сотрудник факультетской лаборатории, то расходы берет на себя государство в лице подчиненного ему деканата. Только нужен был доброволец.

Так что еще и врожденная расчетливость моего благодетеля предоставила возможность с дичайшим смущением спросить:

– А мне можно? – вопрос застал его уже в дверях.

– А у вас диплом есть? – сразу отреагировал Дмитрий Васильевич.

– В июне защищаю, – с наглой уверенностью прозвучал мой ответ.

– Как ваша фамилия? – он тут же снова извлек блокнот.

Если честно, тогда этот вопрос меня удивил и даже несколько обидел. Если бы его задал руководитель хозрасчетной Лаборатории космических лучей доктор физматнаук Коломиец Д. В., то это было бы понятно. Но декан факультета, команда КВН которого была победителем республикан-

ского масштаба, не имел права не знать фамилию ее бес-
сменного в течение пяти лет капитана. И Дмитрий Василье-
вич уже возглавлял деканат, когда мы в последний День Фи-
зика устроили грандиозный праздник на факультете с три-
умфальным завершением в Казгосфилармонии. Там весь зал
аплодировал нам стоя.

Сейчас понимаю тотальную занятость этого человека
и мелочность моих амбиций, но тогда мне пришлось сделать
усилие, чтобы не отреагировать с юношеской безапелляци-
онностью и ехидством на такое невежество.

– Во ты, парень, и влип! – засмеялся Аскарлов, когда за де-
каном закрылась дверь.

2. Знак свыше

Но я не влип, а три дня спустя врезался по полной программе в асфальт до крови, до легкого сотрясения недозревшего мозга. Это был первый урок, который преподнесла мне Антарктида, и то усвоил его благодаря разъяснениям Нины Яковлевны. Но все по порядку. А было так.

11 мая того же года около 8 часов вечера по местному времени раздался звонок из Белокаменной, сообщивший о моем прохождении в список участников антарктической экспедиции.

Что бы вы сделали, уважаемый читатель, если бы вам в неполные 23 года предложили такое путешествие? Когда у вас, госраспределенного в казахстанскую Тмутаракань выпускника, вдруг засияли надежды на совершенно другую жизнь и будущее? Наверное, благоразумно поехали бы домой посоветоваться с родителями, если у вас с ними уже появился общий язык? Обсудили бы с любимой девушкой, а то и женой, если она ею стала? Или со старшими братьями и сестрами, если они у вас есть?

А я решил объявить об этом всему свету, а для начала – друзьям. В основном, это были мои бывшие одноклассники по знаменитой в столице 56-й школе. Кстати, об этом учебном заведении, ее вольнодумствовавших учителях и необычных учениках не то что главу – роман надо бы написать. На-

пример, выпускники этой школы стопроцентно поступали в лучшие вузы страны. Но речь сейчас не об этом.

Когда я добрался до дома Гинатуллиных (там обычно проходили наши встречи), было уже темно. Все, кого смог обзвонить, что составляло тоже проблему (учитывая низкую телефонизацию и нулевую компьютеризацию страны), были на месте. Мурик Ахметов приехал на велосипеде, и все трое «мушкетеров»: Вовка Зиновьев, Бося Чурин, ну и он сам, держали под единственным светившим на улице фонарем велосипед.

На его седле сидела, балансируя всеми своими девичьими прелестями, «королева Виктория» – Вика, тогда еще Гинатуллина. Они обучали ее верховой езде на «лисапед». Удивительно: в двадцать два года девушка впервые овладевала этим видом транспорта.

Конечно, я тут же решил вмешаться в процесс обучения и, завладев муриковской собственностью, вскочил на нее. Неожиданно мне вдруг захотелось, сделав круг почета, эффектно тормознуть перед друзьями и объявить свою новость...

Отмечу, что опять вмешалась любовь. Если бы не Викуля (в которую были тайно влюблены не только я, но и Арамис-Мурик, и Портос-Бося, только пассией ее был Атос-Зиновьев), то я бы и не выпендривался с эффектными подъездами, а с ходу бы сообщил новость, распиравшую меня «выше крыши».

Дороги нашей молодости были ухабисты и в рытвинах. Это и в самом прямом смысле. Особенно после зимы и не в центре города. Иностранцы подшучивали над нами: «У вас асфальт кладут не для езды, а для указания направления движения...».

На полной скорости велосипед влетел в темноте в яму, и всё, что произошло до моего окончательного пробуждения на больничной койке, вспоминаю отдельными эпизодами, а всю последовательность событий воспроизвожу со слов очевидцев.

Когда я вошел в световой конус фонаря весь в крови, но бодрый, волоча за собой велосипед с крутой «восьмёркой» переднего колеса, и радостно объявил:

– Друзи! Я еду в Антарктиду! – Бося откровенно заплакал.

Вика бросилась в дом вызывать неотложку, а я упорно пытался объяснить этим балбесам, что со мной все в порядке, и экспедиция – это не бред контуженного. Но чем аргументированнее и громче был я в своих доводах, тем грустнее становились мои бывшие одноклассники. Больше всего их удивило и насторожило, что упорно помнил все телефоны всех девчонок из своей окровавленной записной книжки и долдонил их имена, адреса, цифры номеров, пока не приехала «скорая». И даже там, в её салоне, продолжался этот монолог, чем-то смахивавший на сцену из, как сейчас говорят, сериала «Щит и меч», где Любшин, игравший крутого советского разведчика, по памяти сливал всю информацию

об эсэсовцах.

Когда очнулся в палате, то долго не мог сообразить, где я, и совершенно не мог вспомнить, как сюда попал. Но больше всего меня пугало и даже унижало то, что не помнил никаких дат. Ни дня, ни месяца, ни года, в котором в настоящий момент пребываю. Точно помнил, что разговор с Коломийцем был 8-го мая (тема Парада). На празднике пили пиво с Генкой Мурашовым и за жизнь долго спорили, и за что отцы воевали. Потом радостно всплыло, что был звонок Дмитрия Васильевича, и меня зачислили! Но что потом – не помню.

В те времена шутил с дурацкой молодецкой бравадой:

– Если под машину попаду, то говорите – погиб в автомобильной катастрофе.

Вот и накаркал... Навязчиво казалось, что меня трамвай сбил, когда я шёл с работы. Явственно всплывала сцена, как сойдя со ступенек лабораторного корпуса, наступаю на рельсы, и вдруг на меня мчится трамвай...

Но тотчас болезненно понимаю, что все это чушь, так как рядом с нами нет трамвайной линии. Наверно, недавно прочтенный Булгаков навеял. Решил обратиться к народу.

В палате, подсвечиваемой только луной из распахнутого окна надо мной, было шесть коек, расставленных с явной экономией места. На них посапывали, кряхтели и похрапывали.

На тихо заданный и вроде невинный вопрос:

– Ребята, а я где? – услышал слева хрипло нервное:

– Не на Каблукова.

Понимая, что раздражаю, все же осмелился поинтересоваться:

– А сегодня какое число?

С койки у входа, как потом узнал, отреагировал товарищ из криминального мира с ножевым ранением:

– Э-э! Ты задолбал. Уже четвертый раз одно и то же спрашиваешь. Спи. Утром узнаешь.

То, что я уже всем надоел, хотя думал: обращаюсь к ним в первый раз, то, что не помню событий, да и то, что лежу с перебинтованной головой, сразу же объяснило мне, почему разговор начался с упоминания психушки на Каблукова. Из меня вырвалось отчаянное:

– Всё, накрылась моя Антарктида!

В палате сразу стало тягостно тихо, даже прекратили храпеть.

Что я не псих, все с облегчением осознали, когда за полчаса до утреннего обхода Мурик на уже им же починенном велике прилетел справиться о моем состоянии.

Разговор шел через открытое окно третьего этажа, и в палате слышали всё так же хорошо, как и мой друг. Ему было внятно разъяснено, что к чему, и были переданы просьбы, какие надо подготовить письма к приезду декана, если меня отсюда нескоро выпустят. Мурик тоже работал на физфаке, а потому понимал все с полуслова. Но самое главное он, рассказав о случившемся, подготовил меня к встрече с врачами.

Слава Всевышнему, но, кроме временной амнезии, других явных симптомов сотрясения мозга или легкого помешательства мой молодой организм не выдал. Поэтому бойкие воспоминания о прошедшем накануне и показания нормального функционирования органов усыпили бдительность эскулапов, и в тот же день я оказался дома. Без записей в «Учетную карточку больного». Предстояла отборочная медкомиссия, а перед ней надо быть чистым, «как большевик перед Лениным».

Кстати, у меня были причины побаиваться этой комиссии: иногда побаливал желудок, голова, а главное, на непогоду часто болело колено. Уже потом в Антарктиде врачи, с которыми я крепко сдружился, в течение зимовки лечили его. И, что отрадно отметить, – вылечили.

Вернувшись из больницы, сразу же позвонил Ахметову, чтобы поблагодарить, но трубку сняла его мама, Нина Яковлевна, которая, как всегда, была в курсе всех наших дел. Вот она-то, кандидат биологических наук, и назидала меня:

– Парень, может, это тебе знак свыше? Не говори гоп, пока не перепрыгнешь.

Как ни странно, но урок был усвоен. Теперь о предстоящей экспедиции узнавали только те, кому было необходимо. Я стал Любшиным, которому отбило память...

И лишь через три месяца о будущей причастности меня, кэвээнщика КазГУ, к освоению шестого континента будет объявлено с такой неожиданностью и при таком скоплении

знакомых мне людей, что я даже и представить себе этого не смог бы в самых честолюбивых грезах. Но об этом в следующей главе.

Кстати, Антарктида мне массу уроков преподала. Многие из нихгодились, а некоторые только сейчас и начал понимать.

3. Не так страшен черт...

Попасть в список участников экспедиции еще не означало стать ее полправным членом. По крайней мере, для меня между этими состояниями была такая же разница, как между абитуриентом и первокурсником. Ведь не было диплома, подтверждающего мой статус ученого. Для его обретения, надо было сдавать не только госэкзамен по «Основам марксизма-ленинизма» – шпаргалки по этому предмету в общем-то были заготовлены предыдущими выпускниками (старшекурсник Сашка Козин, член нашей КЭВЭНовской команды, покидая родные пенаты, подарил), но также написать и защитить дипломную работу, пройти военные сборы, по окончании которых выдержать экзамен на офицера Советской армии (без военного билета лейтенанта запаса, желанные всем сердцем корочки диплома с вышедшим из моды «поплавком», не выдавались). А главное, всеми правдами и, конечно же, неправдами предстояло открепиться от госраспределения, согласно которому я должен был поехать в сель-

скую школу учителем физики.

Последнее, как мне тогда казалось, было самым трудным, так как несло в себе антигосударственную подоплеку. За бесплатное образование мы, счастливые студенты свободной страны, обязаны были платить изучением совершенно к науке не относящихся общественно-политических дисциплин в нагрузку с офицерским образованием и дурацким трудом на сельскохозяйственной ниве во время каникул. А главное: прилежным отношением к комсомолу и родной компартии, в руках которой было наше будущее. Потому как, куда она пошлет тебя с твоим бесплатным дипломом, там ты, как миленький, и отслужишь лейтенантом два года или отработаешь три. Невыполнение этой обязательки приравнивалось к измене Родине и имело свой срок отсидки в «местах не столь отдаленных», но и не столь приближённых.

Это, конечно, удобно сейчас рассуждать с высоты чуть ли не сорока лет прошедших с того момента. Да еще после всех потрясений, катаклизмов и метаморфоз, произошедших и с окружающими, и со страной, и с ее так любимой советской философией общественным сознанием...

Тогда же я, да и многие из моих сверстников были готовы отдать всё (да по сути и отдавали), лишь бы получить это высшее, которое открывало дорогу в трудно представляемый нами мир настоящей жизни.

И все же обязателька по распределению – самая дорогая плата за тогдашнее высшее образование. Конечно, если

«свобода выбора» для вас не просто два слова.

Ведь нас, даже университетских выпускников, распределяли в основном либо офицерами – защищать Родину от предполагаемого противника, либо учителями. При этом, чем ниже средний балл успеваемости, тем в более периферийной школе бывший студент будет сеять разумное, доброе, вперемишк с вечным. И тем труднее «отмазаться» от такой судьбы.

А балл, как правило, снижался из-за низких оценок по обязательным общественным дисциплинам – истории КПСС и философии вкупе с полит- экономией, научным атеизмом, гражданской обороной и еще всякой «надстроечной» ерундой.

На первых курсах, когда до распределения ещё как до луны, мы с презрительной снисходительностью относились к этим наукам, но они за нашу нелюбовь, в конце концов, отыгрывались на общем балле.

Аспирантура или работа в научных центрах, ввиду чего открепляли без проволочек, светили только блатным и круглым отличникам. К обеим категориям счастливцев я не относился. Без открепительного документа могли взять на работу лишь только те, кто не любил чтить, как Бендер, уголовный кодекс.

Можно было еще податься работать в КГБ – выпускников научно-технических вузов брали туда охотно. Но Раиса Владимировна Ривина, учительница литературы упомина-

нутой 56-й школы, рассказывая нам о судьбах многих советских писателей, успела привить такую стойкую нелюбовь к политическим репрессиям и всему, связанному с этим, что этот вариант даже не рассматривался мною. Если вникнуть, то я даже благодарен судьбе, что хоть и была возможность угодить под внимание этой организации, особенно за свой длинный язык и кое-какие поступки, но Бог миловал.

Как ни боялся, но согласно народной мудрости – не так страшен черт, открепиться удалось легко. Пришлось, конечно, побегать по соответствующим инстанциям с соответствующими письмами, ходатайствами и просьбами. Но слова «Советская антарктическая экспедиция» действовали на чиновников магически, и в качестве величайшего исключения я был освобожден от обязанности отбивать у детей уважение к физике.

Госэкзамен и не помню, как сдавал. Но если в памяти не зацепилось, значит, без особых проблем и успехов. Видать, за пять лет научился пользоваться скрытыми от преподавателей источниками информации.

Дипломная работа, сотворенная по принципу «отрицательный результат – тоже результат», внятно объясняла, что при низком материально-техническом обеспечении нашей лаборатории лазер просто в принципе заработать не может. Возможно, и вкатили бы мне законный трояк, но передо мной защищался однокурсник, проходивший преддипломную практику в МГУ. Всю наглядную часть он представил

не на бумажных плакатах, как мы все, а на слайдах, что тогда было невероятным шиком. И очень эффектно показал, как классно работала его установка. Правда, сам дипломник ее не собирал, а только гонял в разных режимах и результаты записывал. На его фоне моя защита выглядела более чем блекло.

Но в председателе экзаменационной комиссии разыграли патриотические чувства к казахстанской науке. Он выступил с пламенной речью, что, мол, мы на несовершенной технике, но своими руками пытаемся двигать науку, а вот некоторые прощелыги пользуются московской аппаратурой, а вклад в отечественную науку не вносят.

Правда, от дипломной работы особого вклада в науку и не требуется. Тем не менее неожиданную пятерку мне вlepили.

Тут еще, наверное, сыграла роль тайная нелюбовь комиссии к явному социальному неравенству. Преддипломная в лучшем вузе Москвы даже для ленинских стипендиатов – круто. А слайды – так это вообще вызов мидл классу. Возможно, четверка сыну не последнего человека в МВД республики была подсознательным проявлением их фронды.

4. «...всё вокруг тебя — это сон»

Теперь до получения такого необходимого документа, подтверждающего твое «верхнее» образование, оставались

только военные сборы. Если госэкзаменом по философии мы показывали свой идейно-духовный уровень, дипломной работой – интеллектуальный, то военный лагерь – это испытания плоти.

Спокойно пройти лагерь научил Босю, годом раньше усвоивший кое-какие армейские премудрости на сборах в своем СХИ.

Перед самым моим отъездом он, запивая слова портвейном №12 под мерцание светил и звон цикад, назидательно наставлял:

– Ты как в автобус сядешь, так сразу усни. Всё, что будет происходить вокруг тебя, – это сон. Ничто не воспринимай всерьёз. А как в Алма-Ату вернешься, то просыпайся.

Первый месяц моей службы так и прошёл. Только один эпизод на короткое время разбудил от спячки. А было так.

Майор Крышин проводил занятия по развёртыванию зенитной батареи к бою. По максимализму молодости, наша братия своих офицеров в грош не ставила, но, как и положено относиться к преподавателям, – побаивалась. Анекдоты про них были среди нас весьма популярны.

Только про нашего майора не было. Веяло от него культурой. Однажды мы с ним даже диспут учинили, обсуждая книгу Гранина «Иду на грозу» – катехизис советских физиков тех времен.

Так вот. После зычного приказа «Орудия к бою!» все, разморенные от жары и долгого стояния в строю, бодро броси-

лись расчехлять многотонные пушки и производить прочие манипуляции с орудиями.

Конечно же, все делалось под неизменный аккомпанемент пятиэтажного мата. А как еще сдвинуть опорные стойки и, тем более, вбить в каменисто-глинистый грунт «фиксирующий клин» (кажется, так те штуки назывались)?

Вдруг майор резкой командой «Отставить! Всем в строй!» прервал наши предбоевые операции.

Как только мы выстроились повзводно, Крышин произнес речь с такой горечью и сарказмом, что я испытал (а, судя по последовавшей чуть позже реакции роты, и многие мои однокурсники тоже) по-юношески искреннее смущение и даже угрызения совести:

– Как вам не стыдно, курсанты! Вы завтрашние преподаватели, офицеры. И как последние блатные выражаетесь! Интеллигенция...

Но вдруг на учебную площадку вбежал, лихорадочно вытирая мокрым платком шею, грудь и лоб, начальник сборов, полковник Оспанов.

Герой почти всех наших издевательских историй о военных, выслушав с нетерпением четкий доклад майора о том, как проходят занятия, что-то тихо и поспешно с ним обсудил. Явно остался недоволен ответом, повернулся было уходить и тут как бы заметил нас.

Тирада, которую выпалил наш начальник, содержала чуть больше двадцати слов, из которых только пять-шесть («я»,

«дебилы», «на полигоне», «мать» и т. п.) были печатными.

Мы стояли, проглотив в себе все эмоции и желания. И только когда Оспанов скрылся за деревьями гарнизона, полсотни парней взорвались гомерическим хохотом.

Ребята смеялись до колик в перманентно пустом животе, освобождаясь от напряжения своего недавнего стыда.

Крышин смущенно кашлял в кулак...

Кульминацией, или, выражаясь проще – главным действием военных сборов были не экзамены. Экзамены – это апофеоз или провал, а вся пиковая драматургия военного театра, называемого в студенческом просторечии «военка», была на выезде на полевые учения. Там в палатках, на стрельбище, под грохот настоящих выстрелов и проверялась вся твоя суть, и военная подготовка заодно. Оттого, как ты поведешь себя в «условиях, близких к боевым», зависела оценка на экзамене. Мы побаивались этого, как мы тогда говорили, «пикника», хотя и однообразие жизни в гарнизоне уже доставало.

Но если для «курсантов», а под таким наименованием мы проходили по всем полковым реестрам, недельный выезд на полигон был проверкой на вшивость, то для наших преподавателей – как для горожанина рыбалка, а точнее – охота.

О том, что там нам, наконец, покажут, как выглядит мама Кузьки, мы слышали в минуты тяжелого подъема, во время принятия скудной пищи и, конечно же, на каждом занятии.

И вот этот день настал. Точнее, не день, а вечер накануне

выезда.

Весь полк: и нас, курсантов, и «срочников» выстроили на плацу на общую «предсоломную» поверку (после которой «все в солому» и отбой).

Такое совместное построение было за все время сборов только раз, в день нашего прибытия. А так у них своя свадьба, у нас – своя.

После стандартной переключки командир полка объявил о предстоящем выезде всего воинского состава на полигон.

«Ура!!!» – не по уставу отреагировали курсанты.

Далее полковник объяснил, как сейчас говорят, логистику предстоящей передислокации полка, назвал ответственных, призвал нас к боевым подвигам и поблагодарил за что-то. Тысяча парней с четкой синхронностью ответили:

– Служу Советскому Союзу!

Все уже ждали команды «Разойтись».

Но действительный (а мы их ценили выше, чем своих, «кафедральных») полковник нашей славной армии при всем строе вдруг неожиданно приказывает:

– Курсант Булибеков, выйти из строя.

Пока я выбирался из своей шеренги, пока проделывал положенные «три шага от строя», пока разворачивался кругом и докладывал, приложившись к виску, о том, что, мол, только по вашей личной просьбе и вышел, «всю дорогу» напряженно думал – за что?

Грехи перед непобедимой были, но не такие, чтобы вы-

волочку от командира полковой части получать. Он мог по уставу не то что на «губу» посадить. В его власти было под трибунал отправить или (что хуже, как говаривал товарищ Оспанов, чем «турма») в штрафбат.

А заслуг, чтобы вызывать из строя, точно не было. Даже старушку через дорогу не переводил.

И тут полковник зачитывает телеграмму от ректора университета с просьбой откомандировать меня срочно в Москву с целью прохождения медкомиссии для участия в Советской антарктической экспедиции.

Строй курсантов, состоявший из будущих физиков, математиков и программистов, опять отреагировал не уставно, да еще с явной какофонией голосового строя. Кто-то даже забыл наставления майора Крышина.

– Отставить! – взревел Оспанов и на казахском нецензурно, изощренным матом добавил о своих нетрадиционных отношениях с нашими отцами.

После моего возвращения из Москвы (посещение которой было тоже двухнедельным пробуждением от летаргии сборов) начальник, обращая ко мне, назвал меня дезертиром, бросившим в бою товарищей. Правда, в конечном результате, а именно – на экзаменационной оценке, это не сказалось.

Мне потом ребята с младших курсов рассказывали, что, распекая их, Оспанов часто заканчивал свои нотации репликой:

– Никуда вы не ходите. Даже в Антарктиду – и то Булибекова послали...

До сих пор не пойму, что он имел в виду. Но это так, к слову.

5. «...боялись всё и всего подряд»

Наконец-то дипломированный, я мог, как и остальные будущие участники экспедиции, готовить выездные документы.

А это оказалось самым тяжким из всего, что до этого было.

К слову сказать, самым легким оказалась медкомиссия. Даже удивился. Думал, будут тесты на совместимость, проверки на выносливость, испытания на терпеливость – мало ли что я прочитал, да и нафантазировал по этому поводу, думая об экспедиции. К тому же, из-за иногда побаливавшего колена, у меня была причина волноваться за медкомиссию.

Но проверка будущих полярников ничем не отличалась от военкоматного медосмотра и медкомиссии на водительские права.

В очередях к врачам выспрашивал у опытных полярников о предстоящем. Запомнилось наставление: «Не лезь, куда не просят. А попросят, то пусть только в письменном виде».

Там же понял, что народ на станциях с юмором, и не всё так просто.

Какой-то сорокалетний мужчина спросил:

– Ты фильм «Семеро смелых» видел? – и после моего утвердительного кивка продолжил. – Можешь его забыть. Во-первых, если на станции будет хоть одна баба, то мужики друг друга перестреляют. А во-вторых, там каждый за себя. Это не ученые, это шабашники от науки. И самое главное – у каждого подвига всегда есть виноватый.

Так вот, те, кто готовил выездные документы за кордон во времена «ферросплавного занавеса», могут мои стенания тех лет и пропустить. Вряд ли они узнают что-то новое. А тем, кто мечтал бы по незнанию вернуть то, что так легко и в то же время так болезненно кануло за «горизонт невозвращения», попробую передать степень бессмыслицы и тупой непробиваемости, в которой приходилось нам жить. Окунаться в те события – это как трогать слегка ссохшиеся раны. Вроде и больно, но в то же время по-мазохистски приятно щекотно.

Сразу определяюсь: я – за социализм. Но не за липовый. За настоящий, пусть даже с человеческим лицом. Но до него надо дорасти. И не только экономически, не только сознанием, но и душой, которую материалисты не признавали, но которой активно умели манипулировать.

Да, мы жили в стране победившей недозрелости.

Попробую объяснить. Человечество в целом и по ци-

визациям в частности проходит те же этапы взросления в своем духовном, научном и производственном развитии, что и каждый отдельный хомосапиенс: первобытнообщинное младенчество, рабовладельческое детство, средневековая юность и, наконец, капиталистическая молодость. Должна когда-нибудь наступить социалистическая зрелость, но не за одну октябрьскую ночь. До нее дозреть надо и не только экономически, но, главное духовно.

А разницу между молодостью, еще несущую в себе эгоизм роста, и акмеизмом (так греки называли взрослость) я осознал в заморских странах на пути в Антарктиду. Как, впрочем, и всю выше изложенную теорию эволюции по Слесаренко, который еще появится на этих страницах.

Продолжим метафору этой теории: Ленин и сотоварищи возжелали, чтобы шестнадцатилетняя кухарка стала и мыслить, и чувствовать, и жить как сорокалетняя матрона. А чтобы никто не мешал опыту, да и чтоб подопытные не разбежались, устроили прочный занавес в виде прочно запертой границы. Некоторые утверждают, что китайская стена тоже должна была выполнять две функции. Но одну точно не смогла. Тюрки триста лет ими правили.

Не знаю, кто у китайцев отвечал за непроходимость стены, а наш занавес был во владении всемогущего КГБ. Когда в фильме «ТАСС уполномочен заявить» девчонка перечила шефу этой конторы, то мне за режиссера было стыдно: он либо жизни не знал, либо заказчика облизывал необычайно

усердно.

В каждой организации, насчитывающей более тысячи сотрудников, обязательно имелся Первый отдел, который решал, можно тебе или нет представлять великую страну за ее пределами. Руководили такими отделами офицеры, обязанные иметь «чистые руки, горячее сердце» и соответственно охлажденную голову, не позволявшую ни на пункт не отступить от совершенно неизвестных нам инструкций.

Я должен был сдать в отдел университета девять характеристик, девять анкет и девять личных листков с сопроводительными письмами. Три характеристики подписывались университетской четверкой: ректор, секретарь парткома, председатель профкома и секретарь комсомольского бюро университета. Они лично меня в лицо видели в первый раз в своих кабинетах, когда подписывали бумагу. В ней утверждалось, что я классный парень, пользуюсь уважением товарищей по работе, верен идеалам строителя коммунизма и т.д., и т. п. Затем три характеристики почти такого же содержания, с коррекцией типа «пользуюсь уважением соседей», подписывали районные руководители Компартии, Советов, профсоюзов и комсомола. Но при этом уже со мной лично не знакомых. Так же, как и городские. В их характеристике я уже «пользовался уважением алмаатинцев».

Получить подпись каждого начальника требовало столько же усилий, переживаний и времени, как и сейчас. Хоть в этом ничто не изменилось!..

Анкеты подписывал я один, а личный листок – вместе с начальником отдела кадров университета. После чего документы уходили, но уже без меня, на районные, городские и республиканские уровни недремлющего КГБ. Неоспариваемый вердикт твоей лояльности, надежности и преданности всему, «что завещал великий Ленин», выставлял Всесоюзный комитет. Пройти сквозь такое сито – это вам не через китайскую стенку лазать.

Но кое-что бдительные чекисты все же прошляпили. Почему это получилось, и сам не пойму. Ведь в советское время, по тем же негласным инструкциям КГБ, в заграничную командировку (а экспедиция в Антарктиду такой и была) разрешалось выезжать только женатым мужчинам (почти как во времена славных походов моих предков). А я тогда таковым не являлся. То ли наши чекисты на московских надеялись, то ли московские на наших, но пропустили потенциального перебежчика. Считалось, что женатый более патриотичен, чем холостяк. Я с этим совершенно не согласен, но, тем не менее, это еще одна странность и проявление удачи в этой истории.

Сейчас, когда на свалке компьютеров больше, чем в работе, многие проблемы того времени кажутся пустяками. Но тогда все пишущие машинки находились на учете в том же КГБ и использовались в основном в госучреждениях (в приемных боссов либо в машбюро). В частном владении, конечно, тоже были.

Прогуливаясь теплыми вечерами по Тулебайке, спальному району ЦК и Совмина, можно было слышать их настойчивое звучание из открытых окон, так похожее на перестук женских «шиллек» об асфальт. (Сейчас подумалось: кто не слышал этого звука, стихотворение «Безнадежность ожидания», которое, как и все прочие, ассоциативно вспоминающиеся по мере продвижения рассказа и размещенное в Приложении к этой книге, наверное, не поймет).

Конечно, пишущие машинки были, но у проверенных Партией и очень нужных и преданных ей граждан: писателей, ученых, журналистов верхнего звена.

К таким ни я, ни мое ближайшее окружение не относились. Потому пришлось затратить на печатанье этих бумаг столько времени, сил и нервов, которые с самым простым ноутбуком и принтером обеспечили бы выездными документами всех алмаатинцев.

А вся сложность состояла в том, что все девять отпечатанных анкет и личных листов должны были быть похожи друг на друга, согласно неведомой инструкции, как Партия и Ленин. А они по Маяковскому – близнецы-братья.

Не допускалось разночтений во всех экземплярах – ни в знаках препинания, ни в буквах, ни тем более в словах. Исправления, подтирания и прочие замазывания исключались.

При этом, если ксероксы и были, то только у спецслужб. То есть их во всеобщем доступе не существовало.

В печатную машинку допускалось (все по той же инструк-

ции) закладывать только два листа бумаги для печатания нужного мне документа, потому что третий печатный лист и в самом деле выглядел уж слишком блекло, особенно если копировальная бумага была «не первой свежести». А ее экономили, ведь она была в дефиците. Как и сейчас. Попробуйте-ка купить: уж теперь-то ее только в специфических музеях увидеть можно. Но, извините, отвлекся.

Итак, машинистке надо было сделать (с учетом, что анкета на двух страницах, а листок – на четырех), более полусотни закладок. Это если печатать без ошибок.

Сегодня даже трудно представить ту обиду и боль, когда «очепятка» выскакивала на последнем слове последней строчки. Перепечатывать всю страницу приходилось заново. Сизиф тут просто отдыхает.

Забыл сказать, что печатные машинки, хоть и не времен Остапа Ибрагимыча, были в основном механическими. Грохот стоял, как от зерноуборочного комбайна. Да и физических сил на печатание уходило не меньше, чем у жнецов казахстанского миллиарда.

Единственная на весь университет электрическая машинка, как торжество победы Фарадея над Ньютоном, пребывала в приемной ректора. Как и милостивые секретарши, она была достопримечательностью помещения. Это был не для меня шесток.

После ходатайства декана физфака, все того же Дмитрия Васильевича, мои бумаги взяли в машбюро университета.

Но Первый отдел документы всё время возвращал, находя в них какие-нибудь ошибки.

Сроки поджимали, и я уже был близок к панике, но помог Серик Аскарров.

– У тебя деньги есть? – сразу спросил он, едва понял суть проблемы.

– Смотря сколько, – ответил я. (А что еще ответишь со 150-ти рублевой зарплатой?).

Кстати, я собирался предложить вознаграждение машинистке за аккуратность. Но не знал, как это сделать. Не умел еще.

– У меня одноклассница машбюро курирует. Пригласим в кабак, – доверительно стал объяснять свой план мой бывший гуру. – Я со временем свалю, а ты с ней и договоришься. Не бойсь, солдат ребенка не обидит. Не разорю: много пить не буду.

Но мне не пришлось даже платить. Утро я встретил во временно пустующей квартире бабушки одной из одноклассниц Серого. На кухне меня ждал завтрак и инструкция, куда сунуть ключ, что проверить, когда и во сколько прийти за документами.

Чем я ей понравился, даже сейчас не пойму. Ну, уж точно не как опытный мужчина. В эту ночь она сама научила меня им быть. По крайней мере, в постели. Все, что у меня было до нее – это даже вспоминать стыдно. А что было после...

Нынешнему поколению, наверное, трудно понять сексу-

альные проблемы, стоявшие перед комсомольцами и комсомолками Советского Союза. Всесоюзное ханжество в этом вопросе порождало поголовную неграмотность. Опыт, часто содержащий в себе много надуманного и нафантазированного, передавался, как правило, случайным образом в доверительных разговорах со старшими братьями и приятелями. Сейчас о том времени есть что-то вроде шутки.

Сын сочувственно говорит отцу: «Вот вы в дремучем времени жили. Поисковиков не было. Про секс ничего не знали. Даже не знали, где у женщин эрогенные зоны находятся». 00000

Отец и отвечает: «Да, сынок, боялись всё и всего подряд».

Незнание порождает страх. Моя первая женщина (все девочки до нее были такими же дурёхами в этом деле, как и я) научила меня преодолевать его.

Только недолго длился наш роман. Как-то срочно пришлось уехать в Москву на стажировку в Долгопрудненскую станцию регистрации космических лучей. Учился там всему, что должно пригодиться, дабы не провалить зимовку. Заодно упаковал все необходимые для экспедиции материалы и аппаратуру по ящикам и промаркировал их для отправки на сухогруз.

Когда вернулся, то узнал: моя секс-наставница отбыла с мужем-офицером погранвойск оберегать рубежи необъятного СССР. Кто знает, но если бы тогда узнал ее новый адрес, то многих удивил бы и подвел. Прежде всего, себя...

Больше ни с документами, ни с Особым отделом проблем не было. Я был зачислен в Антарктическую экспедицию и с волнующим нетерпением ждал вызова...

Почему так поздно взялся описывать давно канувшие в Лету события? Почему не сделал этого раньше? Наверное, боялся: за правду, без которой писать скучновато, и пострадать можно. И не только самому. А когда появилась возможность высказываться без последствий, то вокруг начали разворачиваться такие события, что все прошлое показалось мелким и неинтересным.

Но Время не останавливалось, и стал замечать: «поколение младое, незнакомое» несколько искаженно воспринимает и понимает прошлое.

Так называемая «абerrация времени» стала наблюдаться в виденье молодых людей, не присутствовавших тогда в силу объективных причин и не знающих о той жизни в силу субъективных. Даже сын, выросший на наших с женой воспоминаниях, живо интересующийся ими, кое-что путает и неточно воспроизводит детали семейной и общественной хроники.

В народе давно замечена корреляция видения большого от расстояния. Наверно, я прошел тот путь, с которого, как с пригорка, ясно просматривается вся долина прошлого. И то, что дальше, видится яснее и четче, чем окружающее меня.

Желание не потерять дорогое из памяти заставляло са-

даться за компьютер и фиксировать безвозвратно уходящее от нас, излагая события в той последовательности, как они происходили, иногда ненадолго забегаая вперед или углубляясь в прошедшее.

Пригодится ли это молодому поколению? На этот вопрос, дорогой Читатель, ваш автор уже ответил в стихотворении «О судьбе», которое, как и все прочие, в Приложении к этой книге.

Тем не менее, долг – поделиться опытом нажитого – я выполнить обязан.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДОРОГА

1. Пророчество Серика

Если почти все, изложенное выше, можно как-то проверить и даже опровергнуть, то дальнейшее описание во многом будет настолько личностно-субъективное, что может быть принято и за фантазии автора.

Совершенно не знаю, как сейчас отправляют полярников на шестой континент, но во время моей одиссеи самолеты туда не летали, поезда не ходили. Переплавались на двух видах водно-морского транспорта. Личный состав экспедиции: руководство, ученые, вспомогательные службы; плыли, а по-морфлотовски – шли (по морским понятиям, плавают только экскременты) на «пассажирах» – туристических лайнерах. А приборы, аппаратура и сопутствующие материалы, упакованные в ящики и контейнеры, промаркированные каждым отправляющим, уходили на сухогрузах и ледоколах.

Я лично участвовал и в упаковке, и в маркировке, и в погрузке в Ленинградском порту на «Михаила Сомова» своего груза где-то в ноябре месяце.

Кстати, во время экспедиции этот трудяга застрял

во льдах, а с нас, полярников в это время собирали по три рубля на памятник первооткрывателю Советских антарктических экспедиций Михаилу Сомову. Гарри Анатольевич Слесаренко, уже мной упомянутый, тогда пошутил: «А какому Сомову памятник: человеку или пароходу?»

Где-то в середине января, через семь месяцев после вопроса «Кто хочет в Антарктиду?» и за неделю до посадки на туристический лайнер «Эстония» (который выходил из незамерзающего порта Риги), я снова прилетел в Москву в Долгопрудненское отделение Физического института Академии наук СССР (ФИАН) в командировку от КазГУ с формулировкой: «с дальнейшим участием в Советской антарктической экспедиции». Это означало для меня, что в Алма-Ату я вернусь либо «со щитом», либо...

Но об этом даже боялся думать. Хотя надо было. Особенно раньше.

А потому на Долгопрудненской станции пытался урвать за два дня то, на что у приличных людей года уходят. Расспрашивал всех, кто там побывал (а до меня было уже в Антарктиду более пятнадцати «ходок»), с руководителями программы согласовывал, на что обратить особое внимание в предстоящей моей работе. Как показала зимовка, особенно ее первый месяц, – двух дней явно оказалось маловато...

Понравилось, что общались на равных. Хотя они, да и я сам, чувствовали разницу не только в возрасте, но и в научном статусе. Это располагало, и порой я не стеснялся зада-

вать вопросы, выказывавшие мою низкую профпригодность. Ведь по образованию я был физик-лазерщик. А в обсерватории «Мирный» должен получать командировочные как инженер по стратосферному зондированию космических лучей.

А это, как всё еще говорят в Одессе, «две большие разницы».

Конечно, что-то читал, безусловно что-то расспрашивал про физику космических частиц и все связанное с этим. Даже проходил практику на алма-атинской станции. Но опыт, как и его отсутствие, – конфликт мешка и шила.

При виде моей квалификации, в глазах москвичей появлялось тусклое свечение безнадёги. Но деваться им было некуда. Как и мне. Не объяснять же про национально-финансовые проблемы Коломийца?

На Долгопрудненской станции я также забрал то, что не ушло с багажом. Среди прочей мелочевки был и калькулятор. Прибор по тем временам крайне дефицитный, хоть и нашего, советского производства. О нем шутили: ничего, что медленно считает, зато самый большой микрокалькулятор в мире.

В Алма-Ате этих счетных приборов еще не было. На полярной станции «Мирный», да, впрочем, и у всех, кто со мной был на корабле, тоже.

Когда расписывался в его получении, то и не подозревал, что приобретаю центр притяжения всех, кому надо быстро

посчитать деньги. Или кому было лень их считать на бумаге в столбик.

А быть востребованным в условиях морского перехода и долгой зимовки – это как руки зимой в горах у костра согреть.

В заключение меня благословили на околонуточные подвиги и выдали командировочное (но теперь уже от московского ФИАН) в Ленинградский научно-исследовательский институт Арктики и Антарктики (НИИАА), который, надо отметить, планировал, финансировал и организовывал все эти экспедиции на оба полюса Земли.

Я тогда еще не понимал, что положение командировочного давало мне некоторые привилегии на зимовке по сравнению с профессиональными полярниками, сиречь работниками института Арктики и Антарктики. Но об этом расскажу на станции, если дочитаете.

Перед самым вылетом в «колыбель революции» я должен был еще посетить инструктора ЦК КПСС не помню по каким вопросам.

Волею случая оказался в самом центре политического сердца СССР – здании ЦК. Говоря современным языком, я попал в самый главный сервер нашей тогдашней страны. Отсюда шли мегабиты приказов как в столицы республик, в областные центры, в поселки городского типа, так и до дальних аулов чабанов. После спущенных сверху директив страна подвергалась вначале встряске, потом усушке с утруской,

а затем намечались новые рубежи.

Честно: чувствовал себя, как кролик в гостях у удава. Само здание, его интерьеры, охрана – все заставляло помнить, кто ты по сравнению с мировой революцией.

Был принят в небольшом кабинете, но за большой дубовой, как положено, дверью и с окнами во всю стену. За солидным двухтумбовым столом сидел седеющий дяденька в стандартной униформе аппаратчика. Он сразу же расписался в моем пропуске, выяснил, куда и зачем еду и быстро рассказал о том, как себя вести за границей и как отвечать на каверзные вопросы провокаторов, чтобы не подвести всю страну.

Затем я подписал бумаги, где сообщил, что лекцию усвоил и поклялся: Родине не изменю.

Последнее также надавило на мозоль самолюбия, как и незнание деканом моей фамилии.

Признаюсь, любил и люблю Советский Союз и никогда не собирался его бросать, а тем паче – предавать. Особенно его цели, пусть пока и неосуществимые.

Но в то же время в том кабинете я снова почувствовал себя разведчиком, но уже забрасываемым в самое логово врага. Вспомнилось пророчество Серика Аскарова.

Под конец получил брошюрку с незамысловатым названием «Сто вопросов и сто ответов советских граждан за рубежом».

В ней содержалось все то, что произнес инструктор. Он

просто знал ее наизусть, как таблицу умножения. За ее обладание тоже пришлось расписаться.

Жаль, что не сохранилась та памятка растерявшемуся туристу. Тогда казалось: наш строй нерушимый, и такой «макулатуры» будут вагоны...

А сейчас было бы забавно почитать.

В ней, например, рекомендовалось уходить от вопроса о заработной плате, а «если провокатор настаивает, то следует ответить: „Я не знаю, какая моя зарплата в долларах, но за квадратный метр жилья мы платим полдоллара в месяц“. Как правило, этого аргумента достаточно, чтобы убедить враждебно настроенных к нам граждан в вашей социальной защищенности».

Дословность не гарантирую, но смысл текста и построение были такими.

И понятно, оклады советских инженеров были тогда сравнимы с оплатой дворника в капиталистических странах. Но защищенность на самом деле была. Тут даже к доктору не ходите. Бесплатное образование, здравоохранение и недорогое жилье позволяли тому же мидл классу безалаберно думать о будущем не только своем, но и детей. Сейчас эту роскошь – не беспокоиться о будущем – позволить себе могут только бичи.

Ну, да Бог с ним. Более серьезные бумаги пришлось подписывать с Ленинградским НИИАА, куда за ночь добрался из Москвы на экспрессе «Красная стрела».

Я сдал в Первый отдел института свой серый «серпастый и молоткастый» гражданский паспорт с гербом СССР, а получил взамен не менее «серпастый», но «краснокожий» паспорт моряка. Затем расписался в получении и выволок со склада этого института на место своей временной дислокации все необходимое на зимовке обмундирование.

Это были подбитые верблюжьей шерстью плотные куртка и штаны (КАЭшка – костюм антарктической экспедиции); кожаные куртка и штаны военного покроя (голифе); суконный, как у подводников, костюм; кальсоны шерстяные и хлопчатобумажные; две пары шерстяных и простых носков; нижнее белье; вязаные шапка-маска, шарф, перчатки; кожаная на меху шапка (как у трактористов); меховые рукавицы; валенки; кирзовые утепленные сапоги; темные очки и еще что-то. В общем, набивался казенный мешок высотой в метр, в один обхват шириной и весом килограммов в двадцать.

В комнате общежития, где остановился у однокашника по 56-й школе Олега Минеева, натянул на себя всю амуницию, только без нижнего белья. Сразу почувствовал себя тяжелым и неуклюжим. Наверное, так себя водолазы в скафандрах ощущают. Даже не представлял, как в этом можно долго ходить. Очень порадовали и удивили шерстяная шапка-маска (их в то время даже в кино не было) и накладной клапан капюшона. Когда его пристегиваешь к куртке, то он закрывает все лицо до глаз. Как потом узнал, он «слоняв-

чиком» на полярном сленге величался. Не знал я, как мне эта тряпочка в дульники (так сильный ветер называют) пригодится. Тогда же она мной воспринималась, как экзотический прибабас...

За день до отправки всех отбывающих созвали на общее собрание. В актовом зале института, располагавшегося в бывшем дворце графа Юсупова, собралось человек сто. Многие пришли на него, уже одевшись в куртки каэшек и кожаные галифе, заправленные в «кирзуху». Благо, на дворе стояли морозы. Выглядели полярники на фоне царской лепнины, как революционеры в Зимнем.

Кстати, это подсказало мне, как облегчить личную кладь.

Собравшимся прочли текст временного трудового договора с НИИАА. После чего мы расписались каждый в своем. В нем указывалось, за какие нарушения ты можешь быть отчислен из экспедиции, и тогда все: проезд, проживание и кормежка – за твой счет. Кажется, там стояла цифра 4 тысячи рублей.

Сумма выше 2-х тысяч рублей уже тянула на уголовное преследование. Пьянка, драка, азартные игры на деньги, непослушание приказу начальника – вот тот неполный перечень «развлечений», за которые (за все скопом) на материке получишь ну максимум пятнадцать суток принудительных работ. А сейчас только за одно предоставлялась возможность срок значительно продлить. Минимум раз в двадцать.

Такая «перспектива» как-то напрягала. Это уже были

не игры в разведчика. Так как знал: под «мухой» смогу многое, а вспомню не все, тут же дал себе зарок не пить.

Но, что до сих пор удивляет: держал его. Если и выпил, то два или три раза, когда знал, что спиртного мало. И «постился» почти год, пока не отхлебнул из банки с этикеткой «Манго», но уже на корабле «Башкирия». А это произойдет через год, когда буду возвращаться домой.

2. Контрабанда

Заранее прошу читателя, терпеливо ждущего точной информации об этом путешествии, извинить меня. Все, что будет здесь изложено, так давно кануло в Лету (хочется использовать это красивое, несущее большой смысл, но несколько заштампованное слово), что мне самому порой трудно отличить, что происходило на «Эстони», что – на «Башкирии».

Хотя в первом случае я готовился к предстоящему испытанию, и всё во мне, как и восприятие окружающего, было заточено на это. Честно, так волновался, что мне даже сон приснился, как возвращаюсь назад опять на этом же корабле, но проваливший задание. Все те же люди окружают меня. Но отношение совсем другое. Позор, стыд чувствую на каждом шагу. И чуть ли не собрался за борт сигать в том кошмарном сновидении. Проснулся, как и положено, в холодном поту с последовавшей после радостью – это только сон. Все еще впереди...

А вот назад я уже ехал не только «со щитом», но и человеком, почувствовавшим под собой Земной шар... Это, опять-таки, две одесские большие разницы.

Общее на двух суднах было одно: это были круизы, притом самые настоящие – с обслуживанием, развлечениями, заходами в заморские порты и экскурсиями. Полтора месяца туда, полтора обратно.

Для меня, последний раз побывавшего на отдыхе в пионерском лагере школы (а так были летом только турпоходы, подготовка к выпускным и вступительным экзаменам, обязательные для студентов сельскохозяйственные отработки, борьба за «казахстанский миллиард», строительные отряды да те же военные лагеря) это был подарок Судьбы за все недополученное.

За десять дней такого путешествия советский человек той поры выкладывал в кассе турфирмы, если мог, сто красных банкнот с профилем «вечно живого» или сорок сине-фиолетовых купюр, но с тем же товарищем.

При средней по стране зарплате в 150 рублей это позволяли себе немногие.

Да и у кого деньги были не главной проблемой, не всегда имел возможность купить пропуск в мир комфорта, экзотики и наслаждений.

На 20-ти миллионный Казахстан выделялось от Всесоюзной турфирмы «Интурист» в её филиалы в нашей, к примеру, республике путевок не более тысячи в год. Как и сейчас, в первую очередь обслуживались иностранцы богатого зарубежья, затем ближнего и т. д. Нам доставалось по остаточному принципу: «возьми, Боже, что другим негоже».

Кому бы вы предложили этот явный дефицит, будучи начальником филиала, в который поступило на ваш двухмиллионный регион десять счастливых билетиков на десятидневное проживание в раскачивающемся на легкой морской

волне блаженстве? Половина, по инструкции, отдавалась через профсоюзных боссов рабочему классу и крестьянству.

Кто поедет в круиз, – было на совести этих боссов. Конечно, пропуски на короткое счастье в Эдем уходили на предприятия, руководство которых могло и умело отблагодарить.

Три билета, как с куста, уходили в партийные, исполкомовские и комсомольские верха. Негласному начальству.

Ну, а оставшиеся два – зажиточному сословию. Помимо титулованных ученых и деятелей искусства, к ним относились все – от завмагов, барменов, таксистов, дантистов и до приемщиков стеклотары.

В населенных пунктах были кассы «Интуриста», но в этих каморках, как правило, никого не было, а потому никто к ним и не обращался.

Волею судьбы и стараниями благословенного НИИАА мы плыли (а по-морфлотски все равно *шли*) пассажирами туристических лайнеров среднего класса. Последнее означало не столько степень обслуживания, сколько вместимость корабля. На наши помещалось до 400 человек, если все каюты заняты.

А было на «Эстонии» всего около ста полярников, которых моряки за глаза называли почему-то «кальмарами». Нас обслуживало с полсотни стюардесс и официанток. Сервировали в ресторане четыре раза в день, убирали в тесноватых каютах и узких коридорах.

Мне повезло, а может, как командировочному, положено

было жить в одноместной каюте. Да еще на верхней палубе. Моими соседями были товарищи из руководства и судном, и экспедицией. Это, с одной стороны, поднимало, несмотря на юношеский возраст, мой статус, но в то же время отдаляло от народа. Имеются в виду члены экипажа, особенно девичья его половина. Они меня всё-таки за стукача держали. К тому же я еще по незнанию с пятым помощником капитана сдружился.

А с кем еще? Он единственный из команды, кто ничего не делал, часто с какими-то иностранными газетами сидел на открытой палубе и, если не был занят, то охотно общался со мной.

Мне потом моя суженая объяснила, кто из помощников капитана за что отвечал: первый – замполит («красный комиссар») как представитель Партии ни за что и за всё одновременно; второй – за судно; третий – за команду; четвертый – за пассажиров. А пятый – только за всеми следил. Он представлял Первый отдел.

Знали ли об этом мои более опытные товарищи по зимовке? По крайней мере, меня никто не одернул, и я спокойно рассказывал офицеру КГБ политические анекдоты, за которые в сталинские времена он обязан был бы развернуть корабль, вернуться в Союз и лично отвести антисоветчика в тюрьму. Или хотя бы публично, в назидание другим, расстрелять меня и выбросить труп за борт.

Кстати, на «Башкирии» все повторилось. С единственной

разницей – мы сдружились с подполковником КГБ Виктором Ивановичем Крайним. И если он жив, дай Бог ему здоровья!

Так вот, уже позже, в «перестроечные времена», Виктор Иванович рассказал мне, что сразу же «пробил» меня по своим информационным источникам. Ему, конечно же, сообщили, что я не провокатор, к их ведомству отношения не имею, политически не надёжен, но и не опасен. Кавээнщик, одним словом. Возможно, то же самое проделал и пятый с «Эстонии», а, узнав о моем «боевом» прошлом, по его рекомендации меня вскоре запрягли готовить День Нептуна вместе с назначенными руководством судна членами экипажа.

А как еще в оргкомитет корабельного праздника «кальмар» попасть мог, да еще Экватор в глаза не выдавший? И это, конечно, было развлечением в некотором однообразии плавания. Но все по порядку.

Посадку на судно назначили на двенадцать дня. Стоял обалденно солнечный морозный день. Порт был наполнен запахом моря, смешанным с легким привкусом отработанной дизельной смеси. Как от огромных комбайнов. Только ворчали эти морские перевозчики, в отличие от степных кораблей, не с надрывной агрессивностью, а мирно и уверенно.

Швартовые же мы отдали, когда небо стало окрашиваться багрянцем заката. Все поднялись на палубу, что-то кричали, прощально махали оставшимся на причале. И тут врубили

по всем динамикам зажигательный бит восходящего тогда «Бони М». Я слышал его впервые. Он возбудил до восторга, до уверенности, что все будет классно!

Учитывая приполярное расположение Риги, произошло это часа в четыре вечера.

А до этого было: паспортный и таможенный контроль, прохождение границы, водружение по трапу на корабль, размещение по каютам и долгое ожидание отплытия.

Всё то же, что и сейчас. Но для меня все было в диковинку. От заполнения декларации до попадания на судно. Слегка взволновал таможенный шмон, устроенный нашим вещам в музыкальном салоне.

Чистосердечно сообщаю – вез контрабанду. Но, как перед партией, клянусь – случайно!

Еще вчера на собрании предупреждали, чтобы все советские документы (даже комсомольский билет, не знаю, где всегда у меня хранившийся) были оставлены на материке, а паспорта должны быть в обязательном порядке заменены на, как уже упоминалось, паспорт моряка. Также запрещенными к вывозу за границу были советские деньги всех номиналов, а провоз червонцев и выше преследовался по закону.

– А почему так? – поинтересовался у Гарри Анатолевича Слесаренко, с которым успел познакомиться и сильно зауважал за веселый нрав, доходчивость объяснений и, конечно же, за многоразовость ходок не только в Арктику, но и на заветную Антарктиду.

– Враги только десятки берут и выше, – спокойно, как о ценах на хлеб, объяснил старший товарищ.

– А зачем им наши бабки? – я впервые услышал о рубле как о товаре. Про его не очень активную конвертируемость что-то знал, но тоже нечетко.

– Вы что там, в Казахстане, политэкономии не проходите? Доллар сколько рублей официально стоит? – стал объяснять он, когда мы возвращались с собрания в промерзшем троллейбусе.

Я пожал плечами, так как никогда этим не интересовался.

– И кому страну оставляем? – сокрушенно выдохнул клубы пара еще не обросший сорокалетний Гарри Анатольевич. – Семьдесят две копейки. А за сколько его купить можно?

– Мне за три рубля давали, – наврал я, так как никто не предлагал, а просто услышал случайный разговор на эту тему.

– Неплохой курс. А там ты за червонец пять долларов можешь снять. За четвертную, говорят. – Последней оговоркой Слесаренко дал понять о своей неполной причастности к сказанному. – Пятнадцать дают, а за полтинник и до сорока поднимают, – мечтательно «отклубился» мой негласный наставник. – Навар бешеный, а государству ничего. Контрабанда. А значит, срок, если поймают. Другой бы и рад налог заплатить, но все равно посадят...».

Мне слегка «сплохело». Если бы знал это раньше, то, ко-

нечно же, не лежали бы в кошельке за ненадобностью чуть ли не на дне мешка последние десять рублей. Одной купюрой. Решил тут же, по возвращении в общежитие, где остановился, переложить денежку в цивильные шмотки, оставляемые на год в камере хранения НИИАА.

Но не в рай ведет дорога благих намерений. Гарри (а так его, обрусевшего украинца, почему-то назвала сестра матери), пригласил меня к себе в гости. Посмотреть, чем отличается жилье ленинградца от алма-атинских квартир, было крайне любопытно.

Да ничем. Та же планировка, мебель, ковры на стенах да тюль на гардинах. Но за анекдотичными рассказами Гарри о житье-бытье героев-полярников совершенно забыл о червонце.

Не вспомнил я о нем ни в общежитии, ни в поезде, увозившем нас ночью в Ригу, ни в порту, когда сдавал багаж.

Образ его, красненького с Лениным в верхнем правом углу, всплыл в моем утомленном всем новым сознании, когда заполнял декларацию.

В графе: есть ли советские деньги номиналом 10, 25, 50, 100 (а последнюю из перечисленных купюр я и в глаза не видел) рублей, нагло поставил птичку в клеточке «НЕТ».

Доставать контрабанду и уничтожать ее посредством публичного съедения не представлялось возможным. Наш личный багаж с приколотыми бумажками наших реквизитов (фамилия, станция зимовки) был на корабле и уже прохо-

дил без нас таможенный досмотр. С этой минуты и до разудалых аккордов «Бони М» мерещилась мне в воображении одна картина: вроде в каюту вваливаются обрадованные красной находкой таможенники, я пытаюсь им что-то объяснить, но меня выдворяют с корабля, сбрасывая с борта прямо на заснеженный причал все мои вещи, и с возгласом «Все они, в Казахстане, такие!» – не уходят, а уплывают за серый горизонт Балтийского моря...

Что произойдет дальше, даже боялся себе представить. Поэтому нервно вскакивал и начинал ходить по каюте, если можно назвать ходьбой три шага в одну сторону и столько же обратно. Выходить во время осмотра было запрещено. Все необходимое для кратковременного проживания – вода и санузел с душевой – были здесь же, в тех же трех шагах.

Конечно же, понимал, что вероятность попасться была близкой к нулю. Для её приближения к единице проверяющих должно быть столько же, как и проверяемых. Кстати, у них были собаки. Но деньги если и пахнут, то явно не наркотиками. Да и не будут шум из-за одной купюры поднимать. Просто стану после этого невыездной. Но я и не сильно планировал спустить заработанное на загранпоездки. Наконец, по внутренней связи объявили, что досмотр закончен, и можно забрать каждому свои вещи.

Вскоре мы пошли.

Хорошо, что сейчас появилось много книг и телефильмов об Антарктиде, морских круизах и обо всем, связанном

с этим. Нет необходимости подробно описывать и морской переход, и условия проживания, как и другие подробности нашего плавания. Владимир Санин в книге «Новичок в Антарктиде» просто всё классно рассказал. Да и я, если честно, сейчас так мало помню. А что в дневнике сохранилось, то и попало под сакральное «рукописи не горят», тем и воспользуюсь спустя более тридцати пяти лет.

3. «Советико импотентико»

Я верю в двенадцатилетний цикл обновления. Через каждую дюжину лет каждый попадает или сам создает точку бифуркации – точку изменения, повлиявшую на будущее.

С высоты пяти прожитых «мушель жас», а именно так казахи называют эти циклы жизни человека, могу делать уже кое-какие выводы, основываясь на собственном опыте.

В двенадцать лет самостоятельно перешел из школы-интерната в обычную. За маму написал заявление и сбежал из-под госопеки в самостоятельное плавание. До сих пор удивляюсь этому поступку.

В двадцать четыре – во второй мушель жас, отзимовав в «Мирном», встретил Любовь, но об этом еще впереди.

А в третий мушель жас родился наследник, после чего я неожиданно начал писать стихи.

Кстати, именно сын и нашел среди старых блокнотов и черновиков мой антарктический дневник, о котором я забыл, и всё – до посадки на «Эстонию» – писал по памяти.

Ведь сел за записи совершенно голым (в смысле не подкреплённым документальными источниками). Но сел, потому как пятый мушель жас обязывает подводить итоги.

И как дар свыше, и как признание правильно выбранных задач – этот дневник, найденный моим Назаром. Он же и перевел его из «рукопашного» состояния в отпечатанное, ис-

пользуя достижения компьютерных технологий, от которых папа его отстал безнадежно.

Теперь всё, взятое из дневника (но, конечно, не абсолютно все записи), будет печататься курсивом, а современные рассуждения и комментарии – стандартным шрифтом. Конечно же, из уважения к читателю дневниковый текст будет незначительно подредактирован, но без покусительства на самую суть изложенного в нем.

25 января 197...г. Теплоход «Эстония». Балтийское море. Сегодня, опоздав на 1,5 часа (это я тогда так таможенный досмотр и связанные с этим переживания обозначил), «Эстония» отшвартовалась от Рижского порта. Провожжающих было человек тридцать. И среди них – ни одного знакомого лица. Все равно махал им рукой и фотографировал, как родных.

Особенно запомнилась девушка в желтой дубленке. Стояла и плакала. Черт побери, так хотелось, чтобы это была моя девчонка.

Когда судно отплывало, в радиорубке включили веселую мелодию. Получилось очень мило (так в тексте) и празднично. Зато торжественный митинг был на славу. Все сидели и лежали по каютам, а по внутренней радиосети произносились торжественные речи и заверения (для советских порядков – вольность великая...)

Корабль очень комфортабельный. Сервис и прочие удоб-

ства на высшем уровне. Плыдем как буржуи. Вот только делать нечего. Весь день играл в карты.

Здоровье нормальное, душевное состояние тоже. Может, поэтому – не о чем писать? (Странная у меня тогда была логика).

Еще ни с кем не сдружился, хотя уже со многими познакомился. Жаль, что многие из них были пьяные, а потому все отношения строились на панибратстве. Всё. Ложусь спать. 26-е 00 часов 24 минуты.

Уважаемый читатель, как это ни странно, но в этом подробном изложении многое, оказывается, упущено. Например, то, что ночь провел в настоящем холодильнике, так как не знал, как с кондиционером справляться. Провинциальность махровая сказалась.

Почему-то не записал то, что в первые минуты плавания удивило больше всего: волны так жестко и громко били о борт, что казалось, будто мы на каком-то корыте по твердым ухабам едем, и камни с грохотом бьют по бокам.

Также не написал в своем «судовом журнале», что утром спустился вниз в ресторан довольно бодро и качки не чувствовал. Промерз так, что организм на остальные мелочи не обращал внимания. Но когда сел за сервированный стол, почувствовал запах еды, то тут же захотелось «напугать унитаз». Морская болезнь – это когда мысли даже о сексе становятся неуместными. Но продолжим.

29 января (Наверное, где-то в Северном море).

Не писал три дня по двум причинам: во-первых, очень мутило в первый день, а в последующие было состояние легкого опьянения; во-вторых, просто не о чем писать. Но, как выяснилось, на «Эстонии» почти все ведут дневники. Решил не пасть жертвой оригинальности и продолжаю свой.

О, благие намерения наших юношеских порывов! Следующая запись была сделана на той же странице, но аж в Бискайском заливе. Вот ее полная запись.

10 февраля. «Эстония»

Не дали писать.

На другой день, наверное, все же дали.

11 февраля. «Эстония».

Солнечное утро. Море спокойно и прекрасно. Оно синее-синее. И голубое небо, по которому лениво плывут облака. Теплый ветер. Живем как на курорте. Бассейн, души, рестораны, карты, теннис – вот не полный перечень занятий, которым предаёмся на корабле.

Правда, тут меня заставляют КВН организовывать. Так не хочется вымучивать из себя юмор.

Продолжение подробнейшего описания необычайного путешествия казаха на Южный полюс было внесено в ежедневник только через полмесяца. Но многое просто бессовестно

мною было тогда упущено.

Ведь до этого была однодневная остановка на Канарских островах в порту Санта-Круз де Танариф.

Ароматы гнивающего капитализма так очаровали меня, что я впервые задумался о незыблемости социализма.

То, что сейчас стало до тоскливости обыденно, тогда казалось просто удивительным.

Прежде всего – обилие магазинов, бутиков, рекламы и закусок. А главное – отсутствие очередей. Как пошутил Гарри Анатольевич: «Здесь если и есть очереди, то из пулмета».

Поразило, как в автосалоне молодая женщина по чеку оплатила в кассе стоимость авто, и ей его тут же выкатили. Многие советские полярники зимовали по нескольку раз, лишь бы приобрести легковушку по льготной для зимовщиков очереди, в которую включали только после второй «ходки». Об этой очереди у нас еще будет разговор в «Мирном».

Я забыл в магазине свои вещи и мысленно с ними распрощался, но мне вернули их на корабль. Благо, из России был только наш корабль.

Тот, кто принес, описал меня: русский китаец. Нашли сразу.

Кстати, было обидно, что никто из туземцев не знал ни про Казахстан, ни про Байконур, только однажды отреагировали на название «Медео» – айс стадион!

Успокаивало, что про Россию знали не намного больше.

Хотя из каждого магазинчика и от прилавка слышалось: «Ваня, Маня, заходи!»

Советских сразу узнавали. Особенно нас, «кальмаров». Цены взлетали прямо на глазах полярников, по привычке встававших в очередь за товаром. Поэтому экипаж старался раньше нас сойти на берег, даже в ущерб завтраку. Но некоторые матросы специально предлагали полярникам (тем, кто впервые за рубежом) показать дешевые магазины. Группа из десяти покупателей обеспечивала такому «экскурсоводу» значительные скидки на его собственные покупки.

Нас, предварительно выдав валюту и паспорта, отпускали с корабля тройками. Один был обязательно коммунистом. Он отвечал за группу.

Едва сошли на берег, сразу решили разойтись и встретиться перед обедом в порту. У каждого были свои дела.

Лично я первым делом избавился от контрабанды – обменял злополучный червонец на джинсы. Такие в Союзе минимум сто рублей стоили. Какой мандраж испытал при этой незаконной маркетинговой операции! Но нет запретов для тысячекпроцентной прибыли.

По большому счету, коммерцией, а по советскому законодательству – спекуляцией, занимались все, кто имел на то возможность. Покорители шестого континента тоже этим баловались. Кто знал и умел.

Я не умел, а только знал, потому что ко мне в каюту часто заходили быстренько подсчитать на калькуляторе предпола-

гаемые барыши и предстоящие траты. Тогда и почувствовал разницу между молодостью и взрослостью.

Ведь собирался, что по сути и сделал, большую часть валюты (а это где-то по два доллара за день перехода международного рейса) потратить на себя, родного. А маме, бабушке и братьям – по остаточному принципу.

Так же рассуждали и незамужние официантки, как и стюардессы «Эстонии», которых заманивал к себе в каюту «на калькулятор». К слову сказать, заманиваемые всегда приходили парами. Так что к заветной цели эти «калькуляции» не приводили. Девчата сразу же начинали считать предстоящие расходы на покупки. И всегда вначале всё себе любимой, и только потом тем, кто или деньги дал, или уж точно купит у них товар. Мне это казалось естественным.

А вот взрослые мои товарищи откладывали вначале детям, жене, маме, теще, и только где-то там, в длинной очереди одариваемых, посерединке значились и они сами.

Тогда я это не до конца понимал. А вот сейчас как-то и стыдно за то непонимание.

Но больше всего поразила и порадовала открытость и приветливость испанцев. Если, по Марксу, этот капитализм и загнивал, то очень ароматно и улыбочиво. По наивности ожидал увидеть мрачных, задавленных жизнью и обстоятельствами пролетариев. А увидел не заканчивающийся праздник людей, для которых даже торговля – это как развлечение. До смешного обижались, если называл их капиталиста-

ми. Был всегда неизменный ответ: «Нет – капиталист. Да – бизнесмен».

Для нас тогда эти слова были синонимами. И мы смеялись их невежеству...

Забавляло, как они любили фотографироваться. Стоило поднять фотоаппарат, как тут же выстраивались испанцы с радостными улыбками на загорелых лицах.

Еще удивило, как наши бывалые полярники (в основном это были не ученые) полными полиэтиленовыми мешками заносили на корабль недорогой по цене, но матёрый по крепости виньяк. Это какой-то недоделанный коньяк. Стоил пятилитровый мешок такого напитка чуть ли не доллар.

После этого ребят трезвыми и не видел аж до Антарктиды.

Но главное, я не описал День Нептуна. Сейчас, конечно, не смогу восстановить последовательно и точно картинку того праздника. Попробуйте, уважаемый читатель, представить развесёлое действо массы молодых ряженных людей на ограниченном пространстве палубы и не ограниченных в выдумке, шутках и возможностях веселиться, дурачиться, сбрасывать друг друга в бассейн, поливать из шланга. И это все под разухабистую музыку живого оркестра (пусть и не профессионального, но слаженного и отрепетированного). И под куполом выжженного солнцем прозрачно-голубого неба и в окружении маслянисто-синего моря. И выпивки – тоже море...

И еще был заход в Монтевидео. То, что я не записал это

событие, совсем не говорит, что такое происходило со мной ежемесячно и не стоит упоминания.

И подготовкой ко Дню Нептуна не оправдать: ведь до Южной Америки мы шли от Экватора дней пять. Наверное, бегал за девчонками в жгучей надежде перед зимовкой наестся плодов запретных. Тут не до дневника было. Но не растопил мой южный темперамент сердца северных девчат.

Столица Уругвая поразила архитектурой. От невиданных мною тогда небоскребов из стекла до старинных домов с причудливой лепниной и покрытых мхом времени фундаментов.

Еще город порастил обилием памятников, многие из которых, по словам гида, были когда-то посвящены противникам нынешней власти. Но их не сносили, так как это история. Мне тогда это тоже показалось необычным. Теперь, когда в центре Алматы не стоит бронзовый Владимир Ильич, понимаю мудрость уругвайцев.

Но больше всего запомнились глаза, точнее – взгляд уругвайской проститутки.

По Монтевидео я прогуливался уже во всем прикупленном в Испании: джинсах, яркой футболке, мокасынах. К тому же в кожаной куртке. И выглядел не хуже местных стилияг. В кафе меня принимали за своего и просили перевести моим товарищам их вопросы или просьбы. В общем, на «советико импотентико» смахивал меньше всего.

Так вот, устав от шопинга со своей тройкой (а эти «биз-

несмены» с коммунистом во главе всё не могли обменять выгодно оставшуюся контрабанду) побрел один на корабль. Брёл, нагруженный пакетами с «колониальными» товарами по безлюдной узкой мощеной улочке, ведущей, как и многие, вниз к порту. В невзрачных, каменных пятиэтажных домах, вдоль которых я не спеша перемещался, жила не самая богатая часть населения страны. Во многих окнах отсутствовали стекла и даже рамы, а вместо них висело замызганное тряпье. Не было ярких реклам и ощущения достатка.

Метрах в двадцати заметил стройную золотисто-бронзовую девушку, подпиравшую стену и о чем-то говорившую с парнями, стоявшими на балконе второго этажа противоположного дома.

Как и свойственно латиноамериканцам, говорили они громко и одновременно.

Шел, глядя под ноги, и думал о своем. Но вдруг крики резко прекратились, и неожиданно наступившая тишина встревожила.

Я поднял взор вначале на парней и увидел четыре пары глаз, с настороженным любопытством смотревших на меня с балкона. Было впечатление, что они ждали корриды или чего-то в этом роде. Когда же перевел взгляд на девушку, то меня пронзило будоражащее восхищение, желание и дикая досада от невозможности обладать этим чудом. Такого я еще никогда не испытывал.

То, что она была красива – это полдела. У нее были такие

большие цыганские выразительные глаза, что за то мгновение, пока наши взгляды бросились друг в друга, в них прочиталось все – от призывного вызова до удивления.

Когда, смущенно опустив глаза, я быстро прошел мимо, то сзади сверху раздался дружный хохот. Но они смеялись не надо мной. А красавица одарила меня таким пронзительным презрением, что лучше бы и не оглядывался...

4. Каботажный рейс

И вот, покинув поразивший меня ощущением вечного Лета Монтевидео, наша белоснежная «Эстония» отправилась напрямиком в царство Зимы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.